

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2000 г.

VICTOR SARIANIDI. *Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets*. Moscow, 1998. 336 p., ill.

С 70-х годов нашего века миру стали известны многочисленные и разнообразные памятники дотолее неведомой цивилизации бронзового века, существовавшей на территории современного Афганистана и в древней дельте Мургаба, в Туркменистане. Она получила название Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК), или цивилизация Окса, поскольку многие ее памятники тяготеют к долине Амударьи, древнего Окса. Среди многочисленных и ярких находок, сделанных и в ходе, к сожалению, грабительских раскопок в Афганистане, – предметы глиптики и сфрагистики из металлов и минералов с изображениями геометрических фигур, животных, растений, фантастических существ. Они – массовый материал, позволяющий представить яркость и своеобразие культуры, открытие и продолжающееся исследование которой – результат неустанной работы автора рецензируемой книги. Огромное количество произведений глиптики и сфрагистики, приобретенных на рынках древностей, пополнило собрания музеев Западной Европы и США, а также коллекции любителей древностей. В.И. Сарияниди – один из немногих археологов, руководивших научными раскопками памятников эпохи бронзы Бактрии и Маргианы. Его мнение в атрибуции и интерпретации нередко вырванных из археологического контекста вещей играет важную роль как для исследователей, так и для коллекционеров.

Работа состоит из небольшого вступления П. Амье, авторского предисловия и разделов, в которых характеризуются исторический и культурный фон глиптики БМАК, мир мифологических представлений носителей этой культуры, описываются главные группы изобразительных мотивов и формы печатей. В заключении приводится обширная библиография и фотографии почти всех известных к настоящему времени образцов печатей.

Книга, посвященная памяти Э. Порады, выдающегося исследователя искусства древней Передней Азии, в первую очередь глиптики, представляет собой корпус из почти 1800 образцов. Фотографии печатей и их оттисков высокого качества. Автор отмечает, что 95% их публикуется впервые. Очевидно, что многие предварительные предположения, высказывавшиеся в работах, посвященных этим интереснейшим памятникам, могут быть скорректированы в связи с появлением этого фундаментального каталога, могут возникнуть и новые гипотезы. Предметы происходят из коллекций Р. Гарнера и Д. Розена (Нью-Йорк), Галереи Анахиты (Санта-Фе), музеев Метрополитен и Лувра, Художественного музея Лос-Анджелеса, музея Института Лигабуэ (Венеция). Немалое количество было сфотографировано на базаре Кабула. С точки зрения определения места этих вещей в конкретном культурном контексте особое место занимают находки из дельты Мургаба, сделанные при планомерных научных раскопках. Наряду с памятниками БМАК эпохи бронзы в публикации, как отмечает автор, есть предметы неизвестного происхождения, а в коллекции Р. Гарнера – несколько цилиндров, купленных в Ираке. К сожалению, в каталог не вошли печати из Северной Бактрии, впрочем, в значительной степени опубликованные авторами раскопок на территории Узбекистана и Туркменистана.

Книга открывается кратким вступлением крупнейшего знатока древностей Востока П. Амье, в котором он отдает должное вкладу В.И. Сарияниди в изучение феномена древнебактрийско-маргианской цивилизации. П. Амье рассматривает ее как одну из бесписьменных культур «Внешнего Ирана», области, лежащей на территории Узбекистана, Туркменистана, в окраинных регионах Ирана и Афганистана, в Белуджистане и прибрежных зонах Персидского залива. Население этой области испытало культурное воздействие в первую очередь Элама, в меньшей степени – Месопотамии. Многие признаки, в том числе обнаруживаемые в глиптике и сфрагистике, указывают на отдаленные связи носителей

культур этого региона, простиравшиеся до Сирии, Египта и Восточного Средиземноморья, на участие их в сети внутрииранского обмена. По мнению П. Амье, время существования культуры Бактрии и Маргианы эпохи бронзы в настоящий момент не может быть определено точно; он предлагает датировать ее концом III – первой половиной II тыс. до н.э. В.И. Сарияниди полагает, что она существовала дольше, на протяжении всего II тыс. до н.э.

В разделе «Исторический и культурный фон» характеризуются природные условия, поселения, хозяйство земледельцев и скотоводов. В окруженных стенами поселениях обитали семьи и общины высокого ранга. Здесь же располагались храмовые сооружения. В.И. Сарияниди считает, что на территории распространения БМАК существовали ранние государства, сохранившие традиции примитивной демократии. Если в населении Маргианы значителен компонент пришельцев с соседних территорий, в частности из подгорной полосы Копет-Дага, то Бактрия в большой мере была населена пришельцами с запада. При идентичности признаков культурных комплексов Бактрии и Маргианы набор найденных в Бактрии вещей производит впечатление более богатого, что автор связывает с большим количеством раскопанных, в основном грабительскими методами, памятников.

В настоящее время невозможно судить, предназначались ли все каменные образцы с резными изображениями и металлические однотипные изделия для того, чтобы служить печатями, знаками собственности или же их группы или отдельные экземпляры служили иным целям, например, были амулетами или знаками социального положения. Найдено небольшое количество оттисков на глине, но их число и облик не позволяет предполагать, что они служили лишь знаками собственности. Впрочем, повсюду на Востоке в древности к подобным носимым на теле небольшим вещичкам с изображениями мифологических существ или условных знаков относились как к носителям благодетельной для владельца силы. Называть произведения глиптики БМАК печатями можно с долей условности, имея в виду, что семантика и тех из них, которые служили знаками собственности, была весьма широкой, их материал, формы и изображения на них обладали широкими смысловыми связями в контексте представлений их создателей, а представления эти должны были преломляться через миф.

Относительно небольшая, но самая интересная группа несет разнообразные изображения, которые В.И. Сарияниди считает «цитатами» из мифов, общих для населения обоих регионов. Он признает правоту П. Амье относительно сходства ряда мотивов с образами эламской глиптики, но считает, что система в целом дает наиболее близкие параллели с иконографией памятников, обнаруженных на территории Сирии и Митани. На основании того, что огромное большинство печатей было изготовлено на месте, а не попало сюда в результате торговли или обмена, о чем свидетельствуют их своеобразные черты, он полагает, что их изготовителями были пришельцы с запада, передвинувшиеся в конце III тыс. до н.э. сначала в Элам, затем в Белуджистан и Бактрию. Первопричину этой широкой миграции В.И. Сарияниди усматривает в аридизации климата. Он предполагает возможность участия в этом движении арийского компонента. Прародину ариев он помещает в Анатолии, где они соседствовали с греками, с которыми благодаря этому соседству обладали некоторыми общими обрядами и иконографическими мотивами. Эти идеи В.И. Сарияниди развивает на протяжении почти двух десятилетий во многих работах, они получили широкий резонанс и послужили поводом для плодотворных дискуссий, чьи участники, даже не разделяя некоторых его предположений, неизменно подчеркивали важность добытых В.И. Сарияниди материалов.

Автор констатирует, что цивилизация, в значительной степени созданная пришельцами с запада, в конце концов на территории Бактрии и Маргианы приобрела черты самобытности.

Рассмотрению отдельных групп изображений предшествует общая характеристика мира мифологических представлений древних бактрийцев и маргианцев, мира, наполненного фантастическими существами, в основном крылатыми – антропоморфными и зооморфными – львами, грифонами, редко – сфинксами. Наиболее важными были антропоморфные божества, среди них – крылатый птичеловек, возможный глава пантеона. Такие персонажи мужского и женского пола изображены стоящими или сидящими на скамьях или тронах, а также на реальных и фантастических животных.

По мнению автора, главные божества имеют несколько ипостасей. В окружении животных и птиц они представляют «хозяев» зверей и птиц. Изображенный в «колени-преклоненной позе» (сидит на пятке одной ноги, колено другой поднято) птичеловек – это дух-гений, иногда сражающийся со змеями или змеиными драконами. Антропоморфные

божества благожелательны к людям, их зооморфные оппоненты – носители зла. Антропоморфные с ними всегда сражаются, это сражение носит космический характер, от него зависит судьба всего мира. Отмечается, что по особенностям взаимоотношений персонажей результат этой борьбы не всегда ясен. В конечном счете – это борьба Добра и Зла.

В.И. Сариниди полагает, что эта же идея воплощается в многочисленных сценах, где животные и птицы выступают как противники свернувшихся змей и змей-драконов. Он считает, что таким образом передается борьба за обладание жизнетворным семенем, в результате чего продолжается жизнь. В итоге он обнаруживает в бактрийском пантеоне две группы противоборствующих божеств, которых он именует «ангелами» и «дьяволами».

Далее излагаются характеристики главных групп изображений. Эти материалы знакомы читателям настоящего журнала, они в значительной мере совпадают с опубликованными В.И. Сариниди в ВДИ, 1999, № 1, в статье с симптоматичным названием «Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики». В связи с этим и из-за ограниченного объема рецензии кажется целесообразным лишь перечислить группы изображений для того, чтобы далее перейти к изложению некоторых наблюдений.

Группа I – «антропоморфные» персонажи (божества на троне, животном или драконе, крылатые и/или птичеголовые; крылатые с человеческой головой или головой муфлона; госпожа зверей; коленопреклоненные божества; герои-драконоборцы; акробаты; человеческие существа). В Маргиане изображений антропоморфных существ с признаками птиц зафиксировано около 10, в Бактрии – около 50. Группа II – «змеи и драконы», а также составленные из частей их фигур вихревые розетки. Группа III – крылатые львы и близкие им фантастические существа. Группа IV – животные (быки, козоподобные, верблюды, обезьяны, зайцы) и птицы. Группа V – скорпионы, крабы и растения. Отдельную группу образуют печати, среди которых есть и относительно поздние – новоассирийского времени и, по-видимому, ахеменидского (1362–1363; здесь и далее – номера по каталогу), а также, возможно, еще более поздние. Также анализируются отдельные изобразительные мотивы и указываются их аналогии. Примечательно, что доминируют тяготеющие к сиро-хеттскому (быть может, точнее было бы сказать сиро-анатолийскому) региону.

Первое, на что обращаешь внимание при рассмотрении опубликованных вещей – разнообразие их форм и материалов. По В.И. Сариниди, все предметы с ушками или ручками на обороте служили печатями, из камня делали плоские, но с выпуклыми поверхностями «амулеты» с резными углубленными изображениями и просверленными отверстиями для подвешивания. Глядя на эти своеобразные и необычные для глиптик древнего Востока предметы с их выпуклыми поверхностями и с двусторонними более или менее многофигурными изображениями, можно предположить, что их создатели знали о существовании цилиндрических печатей, но ни их традиции, ни способ применения и понимания предназначения изделий, ни возможности туземных резчиков и литейщиков не позволили оставить эту форму, чтобы перейти на иную, цилиндрическую, с поверхностью, также полностью заполненной изображениями. В результате, быть может, под влиянием цилиндрических печатей, они создавали то, что было им привычно – плоские или чечевицеобразные предметы с изображениями на обеих поверхностях, по всей вероятности, взаимодополняющими по смыслу, что предполагает и В.И. Сариниди (с. 24).

Примечательна близость распределения бактрийских и маргианских печатей по материалу, хотя количественно они очень сильно различаются – первых опубликовано около 1560, последних – около 260. Среди бактрийских печатей металлических (из меди или медно-бронзового сплава) в 1,4 раза больше, чем каменных, в Маргиане это соотношение несколько иное – металлических больше в 1,2 раза. Материал каменных – темный хлорит, лазурит и др. Известны фаянсовые образцы и печати из гипса.

Многочисленна группа с одно- или двусторонними изображениями, цилиндрических печатей и их оттисков относительно немного (Бактрия – около 70, среди них – и поздние; Маргиана – около 10), хотя изображения на них весьма информативны. В целом же набор предстает как гетерогенный, что неоднократно отмечалось исследователями¹. Особенно разнообразны бактрийские, что естественно при их источнике – грабительских раскопках, по всей вероятности, разновременных погребений. В.И. Сариниди отмечает существование форм, близких хеттским и позднеассирийским. Несмотря на это, доминирует относительно однородная группа. Она представлена медно-бронзовыми и немногочисленными серебряными (одна – золотая) печатями-штампами, отлитыми в формах, в том числе по восковой

¹ Сводку сведений и анализ см. *Фринкфор А.П.* Печати Окса: разнообразие форм и изменчивость функций // ВДИ. 1997. № 4.

модели; из драгоценных металлов делали вещи с изображениями женского и мужского мифологических существ. В некоторых случаях изображения с оборотной стороны проработаны гравировкой, подчеркивающей детали. Формы – округлые и фигурные, розетко- и крестообразные. Другая составная часть этой группы – каменные «амулеты» (их назначение как печатей не документируется находками оттисков) с двусторонними изображениями, выполненными резцом и сверлом. Свидетельством того, что некоторые образцы, металлические и цилиндрические, служили знаками собственности, являются высушенные и обожженные глиняные буллы с их оттисками. Редкость таких оттисков приводит В.И. Сариниди к заключению, что апотропеическая функция произведений глиптики была более важной, чем их назначение служить знаками собственности.

Естественно, что внимание В.И. Сариниди, как и других исследователей, в первую очередь привлекают экземпляры с изобразительными мотивами. Автор отмечает, что изображения на каменных амулетах те же, что на металлических печатях (с. 23). Вместе с тем опубликованный материал показывает, что в комплексе опубликованных вещей из разных материалов, как бактрийских, так и маргианских, доминируют не фигуративные, а геометрические мотивы или таковые в сочетании с фигуративными – крестообразные фигуры, розетки с тем или другим числом лучей. Так, крестообразные мотивы и вихревые розетки образуют несколько змей, элементы фигур орлов или других существ, растений. Это – примечательная черта вещей, указывающая на архаический облик комплекса в целом, на его генетическую связь с геометрическими орнаментами культур юга Туркменистана и соседних регионов эпох энеолита и ранней бронзы, для которых характерны крестообразные и ромбические мотивы.

Как уже указывалось, В.И. Сариниди уверенно говорит о характере отношений между персонажами печатей – антропоморфными существами, животными, птицами, змееподобными созданиями: он считает, что это – борьба, властвование, похищение (семена). Вместе с тем из самих изображений именно эти отношения с безусловной ясностью в подавляющем большинстве случаев не следуют. Персонажи, отношения между которыми достаточно явны, например мужской и орлиноголовой держат змей, передаются как расположенные рядом, их размещение не предполагает участия в каком-то действии. Это можно сказать и об изображениях на односторонних печатях, и о тех, что наносились на противоположные поверхности двусторонних печатей.

В трактовке персонажей на «амулетах» видна скорее рядоположенность, они выступают как соседствующие действующие лица некоей (или неких) ситуации. В композициях с участием антропоморфных персонажей и животных отношения, которые можно трактовать как «господство» и «подчинение» или какие-либо другие, выявлены лишь иногда, чаще же – нет. Примечательна редкость сцен обрядовых действий, столь обычных на печатях Передней Азии этого времени – в бактрийско-маргианских образцах – это шествие одного или двух персонажей (18, 47–49).

Как правило, столь же не выявлены отношения между персонажами на цилиндрических печатях или их оттисках – они просто размещены рядом, как и персонажи двусторонних или односторонних амулетов (1762, 1763). Лишь редкие образцы дают столь сложные композиции, как обрядовая сцена на печати с Гонура, где изображено прыгающее через шест обезьяноподобное существо и несколько зооморфных музыкантов и еще какие-то персонажи (1765).

Все эти признаки придают бактрийско-маргианской глиптике и сфрагистике архаический облик, а преобладание геометрических форм и мотивов позволяет предполагать ее глубокую укорененность в культуре региона, где изготавливали эти вещи или в непосредственно близких областях. Представляется, что несмотря на элементы сходства с предметами из других областей Востока, генезис комплекса – здесь, а не на западе или юго-западе, хотя культуры Сирии, Анатолии, Месопотамии, Элама и прилегающих областей, цивилизации долины Инда безусловно оказывали влияние, что естественно для богатых разнообразными событиями времен существования БМАК. Вряд ли следует преуменьшать среди этих событий место, которое занимал обмен.

Возвращаясь к образам антропоморфных персонажей, играющих ключевую роль в изучении представлений носителей БМАК, заметим, что В.И. Сариниди детально анализирует их признаки, отмечая, в частности, большое количество принадлежащих к женскому полу. Внимательно рассматриваются детали трактовки фигур, прически, украшения. Характерный признак женских персонажей, хотя не только их, – руки, сложенные на уровне талии. Проработка кистей рук на оборотной стороне некоторых металлических образцов позволяет думать, что руки передавались не упертыми в бока (akimbo), а именно

сложенными в верхней части живота, что немаловажно для определения характерных ритуальных жестов. Одни из признаков женских персонажей – длинная юбкообразная одежда и короткая прическа.

Вероятно, накопление материала позволит выявить намечающиеся уже сейчас признаки разнообразных мифологических персонажей, почитавшихся в локальных образованиях комплекса БМАК. Кажется, что пока нет оснований говорить о существовании целостного пантеона, в который были объединены божества и мифологические персонажи, почитавшиеся его носителями. Скорее можно предполагать бытование в разных общественных образованиях, контуры которых далеки от ясности, различающихся в деталях представлений о сверхъестественных силах, об их облике, о способах общения с ними. В то же время явны общие тенденции: почитание богов или духов мужского и женского пола, способных перемещаться между мирами, тесно связанных с природой.

Группа II – изображения змей и драконов – наиболее многочисленная из всех фигуративных. Как и в отношении других, В.И. Сарияниди рассматривает не только формальные особенности изображений, но и анализирует их семантику, привлекая аналогии в первую очередь из древнеиранской традиции. Недюжинная эрудиция автора позволила ему обратиться особое внимание на митраизм, в образах которого он видит аналогию тем отношениям, которые прослеживаются между змееподобными существами и наземными животными, а также фантастическими существами, крылатыми львами, образующими группу III. Он отмечает, что образы фантастических животных играют важную роль в глиптике, участвуя в сценах борьбы за «семя жизни» с рептилиеобразными существами.

В группе IV – животные и птицы – особое место занимает орел, семантика образа которого толкуется предположительно на основе представлений древних иранцев (связь орла с хаомой). Особое внимание автора привлекают изображения двуглавого орла, образ, по распространенному мнению, происходящий из Анатолии. К сказанному В.И. Сарияниди хотелось бы добавить, что образ орла в глиптике и сфрагистике Бактрии и Маргианы обладает рядом общих признаков с антропоморфными мужскими персонажами и миксаморфными – мужскими орлиноголовыми. Все они часто сопровождаются изображениями змей, сходна их поза с расставленными ногами.

В группе V – растения – особый интерес привлекают изображения тех из них, идентификация которых сопряжена с естественными при условной передаче сложностями. Их определение особенно важно потому, что при раскопках в Маргиане зафиксировано применение в ритуалах вполне определенных растений – эфедры, конопли и мака. В.И. Сарияниди, опираясь на свидетельства ботаников, полагает, что на печатях изображали мак, тюльпан и эфедру, при этом первые два – и в цветущем состоянии.

Последние страницы текста посвящены характеристике особых образцов печатей, в основном поздних, среди изображений на которых интересны лошади, чьи изображения редко фигурируют на памятниках эпохи бронзы Бактрии и Маргианы.

В заключение необходимо подчеркнуть большое значение рецензируемой публикации для исследования феномена Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. Автором проделана огромная работа по сбору, описанию, классификации и интерпретации материала. Приведена обширная библиография, связанная не только с глиптикой и сфрагистикой Бактрии и Маргианы, но и Передней Азии III–I тыс. до н.э.

Публикация этих интереснейших памятников дает основание для продолжения дискуссии о путях сложения комплекса БМАК. Вряд ли можно сомневаться в передвижениях племен, в том числе крупных, во всем ареале Центральной Азии II тыс. до н.э. В то же время нельзя упускать из внимания преемственности развития культуры на близких территориях. Представляется, что изучение масштабного комплекса столь информативных вещей, какими являются небольшие каменные и металлические предметы разных форм и, вероятно, разнообразного назначения, способно пролить свет на остающуюся все еще неясной историю территорий, не освещенных письменными текстами, где в эпоху бронзы разворачивались события, сыгравшие важную роль в дальнейшей истории Центральной и Южной Азии.

Е.В. Антонова